

Н. П. Таньшина

В ВИХРЕ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ А. В. ГАНИНА

Рец.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с.: ил.; 2-е изд., исп.: М.: Кучково поле, 2017. 680 с.: ил.*

Ключевые слова: Гражданская война в России, историческая память, историография, история повседневности, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, исторические мифы и стереотипы.

Аннотация. Рецензия посвящена монографии доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения Российской академии наук А. В. Ганина «Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком». В рецензии проведен сравнительный анализ Гражданской войны в России и гражданских войн Нового времени в странах Европы и Америки (Гражданская война в США между Севером и Югом 1861–1865 гг., Гугенотские (гражданские) войны во Франции, события Реформации в Германии, карлистские войны 1830–1840-х гг. в Испании), сделаны выводы об их общих чертах и отличиях, а также выявлены основные закономерности развития отечественной и зарубежной историографии гражданских войн. Рецензируемая монография наводит на размышления об устойчивости стереотипов и мифологических представлений как в исторической памяти, так и в историографической традиции. DOI 10.31754/2409-6105-2018-3-305-319

Гражданская война является драматической страницей в истории лю-

© Таньшина Н. П., 2018

Таньшина Наталья Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва); nata.tanshina@mail.ru

бого государства. Для нашей страны Гражданская война (1917–1922 гг.) стала тяжелейшим испытанием, сопряженным с событиями Первой мировой войны и двух революций, отправной точкой формирования нового советского государства, вплелась в канву исторической па-

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

мяти, превратившись в социокультурный феномен. Многие наши любимые фильмы от «Офицеров» до «Белого солнца пустыни», а список можно продолжать и продолжать, — они про Гражданскую войну. Вопрос же о том, за кого ты, за красных или белых (а были еще и зеленые, и сторонники новых национальных государств), стал философским, экзистенциальным. Герои Гражданской войны превратились в персонажей анекдотов: Чапаев, Петька, Анка-пулеметчица. Для кого-то Гражданская война — это глубочайшая трагедия и братоубийственная мясорубка, отраженная в произведениях М. А. Булгакова, Б. Л. Пастернака, И. А. Бунина, А. Платонова. Для других — это героика, «Щорс идет под знаменем» и «По долинам и по взгорьям»¹. У каждого из нас, будь то профессиональный историк или простой обыватель, своя Гражданская война и свои образы той войны. При этом раскол в обществе до сих пор не преодолен, нам все так же свойственна дихотомия, только с конца прошлого века произошла кардинальная инверсия, «свои» стали «чужими» и наоборот².

¹ При том, что на мотив этого марша во время Гражданской войны было написано несколько вариантов текста. Это не только всем известный «Марш дальневосточных партизан», но и «Марш Дроздовского полка».

² Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных недавно Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по теме отношения россиян к периоду Гражданской войны, приуроченного к выставке «Три цвета правды», проходившей в Музее современной истории России до 9 сентября 2018 г. См.: URL: [URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180](http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180) (дата обращения: 28.06.2018).

Поэтому монография доктора исторических наук А. В. Ганина является весомым вкладом не только в развитие исторической науки, но и событием, значимым для общественно-политической жизни страны. Это попытка собрать воедино и соединить дом, распавшийся на две части, как когда-то говорил А. Линкольн о начавшейся гражданской войне в его стране, только у нас этих частей было гораздо больше.

Рецензия не претендует на всесторонний анализ комплекса проблем, поднятых в монографии. Во-первых, в силу того, что автор этих строк не является специалистом по отечественной истории и по истории Гражданской войны. Во-вторых, монография А. В. Ганина вызвала серьезный научный интерес и дискуссию (в том числе и околонаучную, добавим в скобках), о чем свидетельствует целый ряд разноплановых рецензий, написанных как признанными специалистами в области советской военной истории (*Безугольный* 2017: 301–311), так и журналистами (*Громов* 2016), и даже юными магистрантами (*Яковенко* 2017: 268–274). Меня же книга навела на размышления о феномене Гражданской войны как таковой в сравнении с аналогичными конфликтами в странах Европы и Америки Нового времени.

Гражданская война, как любое эпохальное событие, со временем обрастает легендами и мифами. Трагедия забывается, прошлое романтизируется, и в результате остается миф, образ. Мифотворческие традиции глубоки в каждой стране, поскольку мифы конструируют нацио-

нальную память и во многом формируют национальную идентичность. Во Франции это миф о «добром короле Анри», окончившем кровопролитные гражданские, или гугенотские, войны (1559–1598) и обеспечившем каждую семью супом с курицей по воскресеньям. Для США это обожествление героев Гражданской войны 1861–1865 гг., прежде всего генерала Р. Ли, многочисленные национальные парки на Юге, мемориалы в местах крупнейших сражений, прежде всего в Вирджинии (о памятниках мы еще поговорим). Все эти мифы прочно укоренились не только в массовом, но и в историческом сознании.

Книга Андрея Ганина разрушает устоявшиеся стереотипные представления о Гражданской войне и ее участниках. Как воспринимали Гражданскую войну в советской России? Вот что пишет автор в предисловии: «“Лапотная” Красная армия, которой предводительствовали талантливые полководцы из народа, одержала впечатляющую победу над белыми, до зубов вооруженными Антантой и руководимыми опытными царскими генералами» (с. 9). Соглашусь, что такой стереотип восприятия Гражданской войны не вполне изжит и сегодня.

При этом А. В. Ганину удается оставаться «над схваткой», сохранять объективность в подходах и суждениях, ведь историк не может любить своих героев; как говорил крупный французский исследователь Ж. Тюлар, тогда это не историк. Ганин предельно честен и искренен; при этом детальный анализ источников позволяет ему добиться высокой

степени объективности (хотя историческая наука неизбежно субъективна). Цель написания книги автором обозначена предельно ясно: «Восстановить полустертую память о плеяде выпускников Николаевской академии, на долю которых выпал драматичный и переломный период Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны» (с. 14). Почему произошел раскол? Так ли сильны и антагонистичны были различия между «своими» и «чужими», и настолько ли «белые» были белые и «красные» красные — все эти вопросы находятся в центре внимания автора.

Делать новаторские выводы А. В. Ганину позволяет обширная источниковая база, основу которой составляют материалы многочисленных отечественных и зарубежных архивов, в том числе рассекреченные, ранее закрытые фонды. Многие из этих документов автор впервые вводит в научный оборот. Список архивов впечатляет: это центральные и региональные российские архивы, прежде всего Российский государственный военный архив, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный архив социально-политической истории. Помимо них Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), Архив регионального управления ФСБ России по Архангельской области, Государственный архив Архангельской области и другие; это зарубежные архивы, такие как Архив Гуверовского института (Стэнфордский

университет, США), Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк), Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция), архивы Армении, Латвии, Украины, Эстонии, семейные архивы потомков офицеров.

Привлечение широкого комплекса неизвестных ранее источников позволило А. В. Ганину выйти на новый уровень осмысления вопроса о причинах и характере Гражданской войны. Традиционно в нашей стране эта проблематика изучалась, исходя из приоритетности внутриполитической борьбы. Автор же анализирует Гражданскую войну, прежде всего, как внутрикорпоративное противостояние дореволюционной военной элиты (с. 25).

Сходные процессы происходят в американской исторической науке. В первой половине XX в. в американской историографии доминировала концепция экономического детерминизма супругов Бирдов и в целом позитивистский подход, рассматривавший войну между Севером и Югом как непримиримый конфликт двух цивилизаций, двух путей экономического развития, двух идеологий. Современные американские исследователи существенно меняют этот устоявшийся взгляд³. В рамках «школы консенсуса» и «школы исторической политологии» (корнями уходящих к концепции лидеров конфедератов А. Стеффенса и Дж. Дэвиса) подчер-

кивается отсутствие цивилизационных противоречий, и более того, акцент делается на общности Севера и Юга, а суть конфронтации сводится, прежде всего, к конфликту элит: у политических лидеров США не хватило политической мудрости, чтобы прийти к консенсусу и не довести дело до войны⁴.

Через анализ элит А. В. Ганин выходит на ключевые вопросы о причинах Гражданской войны и о том, что же предопределило затяжной характер конфликта. Идеологические разногласия между противоборствующими сторонами в советской историографии, по вполне понятным причинам, выводились на первый план. Гражданская война трактовалась как классовый конфликт, соответственно, противоречия могли быть только антагонистичными (красный белому не товарищ). А. В. Ганин относительно оказавшейся по разные стороны баррикад дореволюционной военной элиты приходит к совершенно иным выводам. Во-первых, глубоких идейных противоречий между офицерами Генерального штаба, оказавшимися в разных лагерях, он не обнаруживает, да и откуда им было взяться, если эти люди являлись представителями одной культуры, корпорации и школы. А. В. Ганин делает важный вывод о том, что во взглядах красных и белых офицеров было много общего. Например, лидер белых генерал А. И. Деникин и выдающийся военный специалист Красной армии, будущий Маршал Советского Союза Б. М. Шапошни-

³ О дискуссиях и подходах относительно системы плантационного рабства см.: (Супоницкая 1998: 10–40, 74–92).

⁴ О направлениях в американской историографии см.: (Согрин 2010: 198–203).

ков являлись, прежде всего, патриотами и государственниками (с. 24). В то же время, отмечает автор, идейный выбор Шапошникова был ситуативным. Фактор случайности, стечения обстоятельств только добавлял драматизма ситуации, когда, говоря словами журналиста Г. В. Немировича-Данченко, офицеры «служили одинаково неискренно и тем, и другим» (с. 20). В целом же изучение архивных документов позволило автору сделать вывод о широком участии дореволюционной военной элиты в создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Отметим, что всего бывших офицеров (не только генштабистов) на стороне красных оказалось не менее 75 000, хотя считается, что у белых их было больше (с. 9)⁵.

А. В. Ганин выделяет целый комплекс причин добровольного поступления специалистов Генштаба в РККА. Конечно, патриотизм генштабистов, стремившихся оборонять родину от немцев, имел место, но присутствовали и факторы более прагматичные: привязанность к военной службе и стремление к самореализации на профессиональном поприще, материальный интерес, стремление сохранить в своих руках военно-административный аппарат, вера в твердую власть, карьерные устремления и др. В наименьшей степени, по словам автора, можно говорить о приверженности бывших офицеров большевистской идеологии (с. 48, 565). При этом большинство бывших офицеров

поступило в РККА по мобилизации (с. 70).

Изучение опыта Гражданской войны в США выводит на интересные параллели. Как в историографии Гражданской войны в России доминировало мнение, будто непрофессиональная Красная армия сражалась против «золотопогонников»-белых, так и в отечественной историографии Гражданской войны в США было распространено убеждение, что с началом войны армия Севера оказалась обескровлена, поскольку большинство южан, из которых в основном и комплектовался офицерский состав армии, с началом войны перешли на сторону Конфедерации⁶. В России, как убедительно доказал А. В. Ганин, проанализировав места службы офицеров, кадры Генштаба разделились между противоборствующими сторонами практически поровну с незначительным перевесом в пользу белых (39,8% в РККА против 46,4% у белых) (с. 565). С началом Гражданской войны в США большинство офицеров армии не изменили своей присяге, и лишь 286 из них предложили свои услуги Конфедерации. Выпускники военной академии Вест-Пойнт, кузницы офицерских кадров, в основной массе также не поддержали южные штаты. Только 99 бывших офицеров, окончивших Вест-Пойнт, присягнули на верность Конфедерации, в то время как на федеральную службу вернулись 114 человек (*Маль* 2000: 29). В целом же высшее командное руководство в обеих противоборствующих армиях осуще-

⁵ Новейшие данные о статистике раскола офицерства вошли в еще одну монографию рецензируемого автора: (*Ганин* 2018: 13–20).

⁶ См., например: (*Иванов* 2002: 219).

ставляли выпускники Вест-Пойнта (Hsieh 2009: 2, 198).

Это умозаключение, в свою очередь, выводит на размышления о причинах затяжного характера противостояния. Андрей Ганин на страницах своей книги приходит к выводу о том, что победа Красной армии была достигнута не только железной волей и революционным энтузиазмом партии большевиков, не только массовыми мобилизациями и беспощадным карательным аппаратом, но и опытом, знаниями бывших офицеров, пошедших в новую армию в качестве военных специалистов. Как справедливо отмечает автор, «без вольного или невольного содействия примерно полутора тысяч высококвалифицированных генштабистов создать регулярную армию и победить многочисленных врагов большевики бы не смогли» (с. 10).

В Америке каждая из сторон надеялась на быстрый и скорый успех своего дела, однако этого не произошло. Юг был обманут в своих ожиданиях на то, что вся военная элита, выпускники военной академии Вест-Пойнт, окажется на их стороне. Офицеры Конфедерации, однако, оказались лучше подготовленными к исполнению своих обязанностей; генералитет армии составляли профессиональные военные, среди них было много ветеранов войны с Мексикой (Маль 2000: 30). На Севере же сложилась целая прослойка «генералов-политиков», которые до войны были профессиональными политиками, а не военными. Эти факторы, наряду с целым рядом других, обуслови-

ли длительный характер противостояния.

Если мы обратимся к истории Франции и Германии эпохи Реформации и, соответственно, гражданских войн (события в Германии времен деятельности Мартина Лютера, связанные с крестьянской войной, восстаниями рыцарей, а потом и происходившей на ее землях Тридцатилетней войной 1618–1648 гг., вполне можно интерпретировать как войну гражданскую), то увидим, что в этих странах раскол имел четко выраженные формы и проходил по линии протестанты — католики. Если принять во внимание, что религия в те времена выполняла функции, в современном обществе принадлежащие идеологии, то раскол во Франции и немецких землях имел глубоко идейный характер⁷.

В то же время, если мы говорим о Франции, то глубокие разногласия между лидерами католиков и протестантов порой только на первый взгляд были таковыми. Зачастую религиозными лозунгами прикрывалась традиционная борьба за власть и привилегии. Неслучайно в то время существовала категория так называемых «политических гугенотов», т.е. людей, менявших свою веру в зависимости от политической конъюнктуры. Самый яркий пример — Генрих Наваррский, неоднократно переходивший из протестантизма в католичество и обратно. Став французским королем и основателем новой династии Бурбонов, он вновь вернулся в ло-

⁷ О французской историографии социальных причин религиозных войн во Франции см.: (Уваров 2004: 3-38).

но католической церкви, понимая, что французы-католики никогда не будут воспринимать легитимной власть короля-гугенота (хотя слов «Париж стоит мессы» он никогда не произносил; их в его уста заботливо вложил А. Дюма)⁸.

Характерно, что и в России происходили массовые добровольные переходы генштабистов, оказавшихся на стороне красных, к белым, а в обратную сторону преобладали вынужденные сдачи в плен (с. 287). Эти перемещения на протяжении всей Гражданской войны происходили постоянно и служат еще одним подтверждением примерно равного качественного уровня военной элиты сторон (с. 75).

Общее место во всех гражданских конфликтах — это глубочайший раскол, проходивший не только по социальным группам, но по семьям, по близким и родным людям. Гражданская война в России только подтверждает это трагическое правило: в результате раскола общества по разные стороны баррикад оказались отцы и дети, родные братья и однокашники по военным училищам и академиям.

Аналогичный раскол произошел и в Америке, где война длилась четыре года, став самым протяженным конфликтом в истории страны. В армиях Севера и Юга, наверное, не было офицера-профессионала, не имевшего бы друзей за линией фронта (*Маль* 2000: 14). Более того, раскол произошел по самым верхам обще-

ства: три брата жены президента А. Линкольна погибли за южан, родственники лидера Конфедерации Дж. Дэвиса воевали на стороне северян.

Во Франции в годы религиозных войн раскол был не менее глубоким⁹. Племянники герцога Анн де Монморанси, одного из лидеров католической группировки и члена так называемого «триумvirата» (вместе с герцогом Франсуа Гизом и маршалом Сент-Андре), сражались на стороне протестантов, среди них и знаменитый адмирал Гаспар де Колиньи, военный и политический руководитель гугенотов. В то же время в ходе Гражданских войн была сделана попытка примирить страну посредством брака между представителями противоположающихся конфессий: Екатерина Медичи, королева-мать, решила выдать свою дочь, католичку Маргариту Валуа, замуж за лидера гугенотов Генриха Наваррского. Свадьбу сыграли, но к чему это привело, печально известно: Варфоломеевская ночь и погромы конца августа — начала сентября 1572 г., прокатившиеся по стране, стали примером невиданной жестокости и массового убийства своих религиозных противников¹⁰.

⁹ О том, что гугенотские войны в современной историографии трактуются именно как гражданское противостояние, свидетельствует и название одной из недавних работ О. Карпи: «Религиозные войны (1559–1598): Франко-французский конфликт» (*Carpi* 2012).

¹⁰ Основные позиции во французской историографии относительно интерпретации событий Варфоломеевской ночи представлены в работах Ж.-Л. Буржона, Д. Крузе и Т. Ванегфелена. См., например: (*Bourgeon* 1992: 69–71, *Crouzet* 1994; *Wanegffelen* 2005).

⁸ Из последних французских работ о религиозных войнах см.: (*Crouzet* 2005; 2008, *Le Roux* 2014).

Анализируя события Гражданской войны в контексте противоборства элит как во враждующих лагерях, так и внутри каждого из них, А. В. Ганин выходит на важнейшую проблему смены элит (с. 12). Уже рубеж XIX–XX вв. автор рассматривает как время упадка прежней аристократической элиты и замены ее в процессе развития военной науки и военного дела, усложнения вопросов организации армии специфической бюрократическо-технократической элитой из профессионалов военного дела (с. 12). Поэтому генштабисты, владевшие, по выражению А. В. Ганина, «ремеслом создания и управления вооруженными силами», оказались наделены серьезными военно-административными полномочиями даже при большевиках.

Разумеется, справедливо отмечает историк, большевики не давали технократам-генштабистам, еще недавно служившим опорой ненавистного царского режима, каких-либо полномочий за пределами их профессиональной компетенции. Однако несмотря на то, что все политические решения принадлежали партийному руководству, генштабисты уже в годы Гражданской войны представляли собой элиту Красной армии, а впоследствии некоторая их часть вошла в состав государственной элиты СССР, объединившей как представителей партийной номенклатуры, так и специалистов-технократов (с. 12).

В то же время А. В. Ганин делает обоснованный вывод о том, что исторический опыт развития России в XIX–XX вв. свидетельствует

о крайней политической слабости отечественной военной элиты, ее неготовности и неспособности не только к самостоятельной выработке модели развития страны, но даже к тому, чтобы взять власть и удержать ее (с. 198).

В других странах, конечно, со своей спецификой, тоже шли процессы трансформации элит. В США после Гражданской войны происходит перераспределение власти между элитами; теперь северяне и южане поменялись местами, а герой войны генерал У. Грант в 1869 г. стал президентом. Более того, когда на президентских выборах 1876 г. победу одержал демократ С. Тилден, итоги выборов были пересмотрены: президентом стал проигравший кандидат-республиканец Р. Хейс, но взамен с Юга были отозваны федеральные войска, и процесс Реконструкции Юга на этом завершился. Кроме того, уже накануне войны в США происходит очередная перегруппировка политических сил и формируются современные партии республиканцев и демократов.

Во Франции после окончания религиозных войн устанавливается новая династия Бурбонов во главе с королем Генрихом IV (1589–1610). В ходе гугенотских войн формируются новые подходы к пониманию государства и власти, Ж. Боден формулирует концепцию «государственного суверенитета». В германских землях М. Лютер выступает с ярко выраженными этатистскими идеями (государство — «меч и бич Божий»), а религиозный конфликт сначала по условиям Аугсбургского религиозного мира 1555 г., а потом

и Вестфальского мира 1648 г. разрешается на основе принципа «чья власть, того и вера». То есть вопрос об элитах, власти и государстве во всех названных странах выкристаллизовывался в ходе драматичных гражданских потрясений.

Книга А. В. Ганина выводит на размышления о роли фактора иностранного вмешательства в события Гражданской войны. История Испании как XIX, так и XX в. является наглядным примером того, как интервенция иностранных держав может привести к пролонгации конфликта. Именно так произошло в Испании в 1830-е гг., когда после смерти короля Фердинанда VII страну захлестнула череда гражданских, или карлистских, войн, разделивших Испанию на сторонников королевы-регентши Марии-Кристины и брата короля дона Карлоса. Вмешательство в конфликт (на уровне дипломатического влияния и продвижения своих ставленников на пост главы правительства) Великобритании и Франции только подливало масла в огонь, а конфликт приобретал затяжной характер. Гражданская война в Испании XX в. является, может быть, самым ярким примером интернационализации военных действий. И если в массовом сознании советских (и постсоветских людей) мы помогли Испании и спасали ее, то в исторической памяти испанцев акценты сместились: как историки, так и простые граждане полагают, что вмешательство в конфликт СССР дестабилизировало внутреннюю ситуацию в стране и способствовало затягиванию Гражданской войны (Русский сборник 2016).

Применительно к Соединенным Штатам открытого вооруженного иностранного вмешательства в конфликт между Севером и Югом не произошло, хотя ведущие европейские державы оказывали Конфедерации самую активную военную, политическую и дипломатическую помощь. Но в целом надежды южан на упования в духе Остапа Бендера о том, что «заграница нам поможет», не оправдались. С другой стороны, девятимесячное пребывание в США в 1863–1864 гг. двух военно-морских эскадр России явилось реальной военной демонстрацией в поддержку федерального правительства (Иванов 2002: 220).

А. В. Ганин не останавливается на вопросе об иностранной интервенции, поскольку это выходит за рамки поставленных исследовательских задач, но отмечает среди причин перехода генштабистов на сторону красных побуждения патриотического характера, а именно стремление защитить свою родину от внешнего врага.

Один из главных вопросов: итоги войн, их результаты. Они крайне неоднозначны. В США Гражданская война между Севером и Югом, несмотря на колоссальное разорение южных штатов и самые большие в истории этой страны потери (убитых — около 600 тысяч, раненых — порядка 1 млн), привела к превращению США в целом в либерально-капиталистическое государство и его ускоренному экономическому росту, превратив Америку уже к концу XIX в. в одного из лидеров западного мира. С точки зрения решения

негритянской проблемы — «гора породила мышь»: несмотря на принятые 13, 14 и 15-ю Поправки к Конституции США, бывшие рабы ни политических, ни имущественных прав реально не получили. Гражданская война отличалась особой жестокостью, о чем американцы, в том числе и историки, предпочитают не распространяться. Между тем действия генерала Шермана на Юге до сих пор вспоминаются с содроганием: он воевал так, будто шел не по территории родной страны, а по чужой земле, которую хотел уничтожить, отсюда и тактика выжженной земли, реквизиций, разрушение зданий, предприятий, железных дорог, телеграфных линий. В результате Юг был разорен; дело дошло до возрождения натурального хозяйства. А последовавший после окончания войны террор на Юге, действия разветвленной сети Ку-Клукс-Клана на долгие годы дестабилизировали ситуацию на территории южных штатов.

Не менее разрушительными последствия гражданских войн были в Европе, где они происходили, прежде всего, по религиозным причинам. Германия времен Реформации и Тридцатилетней войны раскололась на протестантскую и католическую, и следы этого раскола ощущаются и сегодня. В послевоенной Западной Германии партии, занявшие ведущие позиции на политической арене, ХДС и ХСС, изначально формировались по конфессиональному принципу, а в современном ХДС разногласия между католиками и протестантами периодически проявляются (Сняжкова 2014: 180–183).

Во Франции гражданские, или религиозные, войны, продолжавшиеся на протяжении почти сорока лет (1559–1598), в итоге привели к осознанию того факта, что единоверие невозможно навязать силой, правительственными указами или пышными торжествами. И в этом их значение, сравнимое с мировоззренческой революцией. Однако и после подписания Нантского эдикта 1598 г., по которому гугеноты получали целый ряд прав и вольностей, в том числе военные крепости, напряженность сохранялась, и в итоге сначала в 1629 г. последовала отмена военных статей Нантского эдикта, а потом в 1685 г. он был и вовсе упразднен по эдикту Фонтенбло, а 200 тыс. гугенотов были вынуждены эмигрировать из страны. А «драгонады» Людовика XIV, т. е. принудительный постой войск в домах гугенотов с целью принуждения протестантов к переходу в католичество, общеизвестны. В 1787 г. гугеноты были восстановлены в правах, но с началом революции братоубийственная мясорубка заработала на полную мощь, спровоцировав и самую настоящую гражданскую войну в Вандее, когда «адские колонны» генерала Тюрро учинили геноцид против собственного народа¹¹ (Генифе 2003: 228–240). В результате Вандея обезлюдела, население сократилось на треть, местами и на половину, а последствия этих ужасающих людских потерь ощущались вплоть до середины XIX в. Более того, в 1815¹² и в 1830-е гг. в этом же регионе произошло «второе»

¹¹ Число погибших, по данным П. Генифе, составило 900 тыс. человек (Генифе 2003: 15).

¹² О событиях в Вандее в 1815 г. см.: (Летчфорд 2003).

и «третье издание» Вандеи. Ожесточенные споры вокруг проблемы Вандеи во французской науке происходят до сих пор¹³.

На конкретных примерах судеб офицеров Генерального штаба А. В. Ганин предметно показал братоубийственный характер Гражданской войны, разведшей по разные стороны баррикад родных братьев, отцов и детей. Не менее трагичным был раскол между людьми, которые вместе росли, дружили, сидели за одним академическим столом, вместе служили и сражались. Этот раскол прошел через судьбу каждого офицера, вовлеченного в водоворот Гражданской войны (с. 567).

Монография А. В. Ганина важна еще и тем, что выводит на вопрос о разрыве и преемственности: новая, советская Россия ковалась на полях сражений и в тиши кабинетов с самым широким привлечением военспецов старой школы. Большевики, в условиях недостатка высокопрофессиональных кадров для многомиллионной армии, постарались использовать все категории выпускников Николаевской академии, даже тех, кто ее окончил неудачно или недоучился (с. 76). На первый план выдвинулась и блестяще зарекомендовала себя целая плеяда «академиков»: главнокомандующие И. И. Вацетис и С. С. Каменев; один из основоположников РККА М. Д. Бонч-Бруевич; начальники Полевого штаба Реввоенсовета рес-

публики Ф. В. Костяев и П. П. Лебедев и многие другие (с. 566)

Книга А. Ганина — не только об офицерах Генштаба в годы Гражданской войны, но и о послевоенном времени. Проследившая судьбы своих героев, автор приходит к выводу, что практически сразу после Гражданской войны партийные триумфаторы забыли о тех, кому были обязаны победой. Для большевиков генштабисты являлись не более чем инструментом достижения победы в войне (с. 367). Вычеркнутым из советской истории оказался и Л. Д. Троцкий — идеолог политики привлечения бывших офицеров на службу революционной армии. В рамках дела «Весна» 1930–1931 гг. и «Большого террора» второй половины 1930-х гг. многие генштабисты старой школы были репрессированы, и лишь несколько десятков человек дожили до середины XX в. (с. 572).

В заглавие книги А. В. Ганина вынесена история повседневности. Такие труды популярны и востребованы. И это очень важно, «почувствовать историю на вкус». Ведь, как говорил в свое время один из основателей «школы Анналов» Марк Блок, для понимания событий необходимо попытаться «проникнуть в головы их участников». Рецензируемая монография — это настоящее психологическое погружение в эпоху Гражданской войны, в результате которого оживают люди, участники и заложники той трагедии. Ведь в классических текстах историков-позитивистов люди не едят, не пьют, не болеют; на войне нет вшей и протухшей селедки.

¹³ О французской историографии Вандеи см.: *Блуменгау* 1992: 223–237). Из последних работ о Вандее см.: *(Martin 2014, Сеуе 2016: 36–54).*

Если это военные деятели, то они только героически сражаются, строят военные планы, трагически погибают, но не сдаются, высокоморальны или, если это враги, полностью аморальны. Но в «Повседневной жизни генштабистов...» перед нами — живые люди, и они разные, причем по обе линии фронта. Порой бывает, что мода на историю повседневности заслоняет историю как таковую. В книге А. В. Ганина история повседневности — это способ донести до читателей сложную и многообразную обыденную реальность «бывших» в советских условиях, рассказать о сущности Гражданской войны для этих людей «по жизни, правде, кровотечению», говоря словами братьев Гонкуров, именем которых названа известная литературная премия.

Автору блестяще удалось воссоздать коллективный портрет представителей корпуса офицеров Генерального штаба, оказавшихся на службе Красной армии, и на основе анализа их судеб в миниатюре продемонстрировать трагическое размежевание всего русского офицерства и общества первой четверти XX в. Рецензируемая работа — это глубокое междисциплинарное исследование с применением просопографической методологии, истории повседневности, микроистории, психологической антропологии, при этом основанное на добротной и серьезной классической академической традиции.

И в завершение — о памятниках. Войны памяти не прекращаются. Можно вспомнить украинский «ленинопад» и хулиганские акции, свя-

занные с мемориальной доской Колчаку в Санкт-Петербурге, а также совсем недавнюю попытку добиться сноса памятника Колчаку в Иркутске (для ультраправых антигерой — Ленин, для левых — Колчак, достижения обоих не в счет). В Америке на наших глазах происходит целая истерия с памятниками Конфедерации и ее лидерам. Это все говорит о том, что раны так и не зарубцевались, остаются болезненными; даже если историки договорятся, консенсус в обществе вряд ли будет скоро достигнут. В России и США уже давно нет ветеранов гражданских войн (хотя я помню надписи: места для участников Гражданской и Великой Отечественной войн; ветераны Гражданской войны обслуживаются вне очереди), а раскол остался. Во Франции и Германии Реформация происходила пятьсот лет назад, а раскол, по крайней мере на социокультурном уровне, существует и поныне.

Поэтому книга А. В. Ганина о том, что нельзя как по линейке делить наших предков на красных и белых, очень нужна. О востребованности книги свидетельствует ее второе издание, поскольку первое разошлось мгновенно (хотя это серьезная и объемная научная работа, в основе которой — докторская диссертация автора). Это текст глубоко научный, с привлечением огромного количества документов, но написанный человеческим, а не «птичьим» языком, с чувством стиля, интересным и специалисту, и любителю истории, пытающемуся понять трагическое прошлое нашей страны.

И все-таки автор, будучи предельно серьезным и объективным ис-

ториком, по-офицерски точным и внимательным к деталям, на мой взгляд, остается романтиком. Книга начинается стихами Бориса Слуцкого; название каждой главы — стихотворная цитата. Правда, это военная романтика, поэтому цитаты — жесткие, хлесткие. В те времена было в моде словотворчество, новояз В. Хлебникова и А. Крученых. Сознательно или интуитивно, но Андрей Ганин уловил это, вынеся в названия заголовков рычание-шипение звуки, которые, буквально на уровне физиологии, как скрежет железа по стеклу, передают атмосферу Гражданской войны...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безугольный 2017 — *Безугольный А. Ю.* Генштабисты на военной службе у Ленина и Троцкого // Вестник архивиста. 2017. № 3. Июль — сентябрь. С. 301–311.

Блуменау 1992 — *Блуменау С. Ф.* Современная французская историография Вандеи и Шуанерии // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 223–237.

Ганин 2018 — *Ганин А. В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.

Генифе 2003 — *Генифе П.* Политика революционного террора, 1789–1794. М., 2003.

Громов 2016 — *Громов А.* Из деникинцев в красноармейцы // Независимая газета. Exlibris. URL: www.ng.ru/ng_exlibris/2016-11-24/7_866_gromov.html.

Иванов 2002 — *Иванов Р. Ф.* Конфедеративные Штаты Америки (1861–1865 гг.). Ч. 2. М., 2002.

Летчфорд 2003 — *Летчфорд С. Е.* Вандея в 1815 году // Французский ежегодник 2003. М., 2003.

Маль 2000 — *Маль К. М.* Гражданская война в США (1861–1865): развитие во-

енного искусства и военной техники. Минск, 2000.

Русский сборник 2016 — Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М., 2016.

Сеше 2016 — *Сеше Р.* Вандея: от геноцида к «меморициду» / пер. с фр. Ю. В. Минеевой // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 36–54.

Синякова 2014 — *Синякова Н. С.* Христианско-демократический союз Германии перед вызовами современных реалий: трансформация идеологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2. С. 180–183.

Согрин 2010 — *Согрин В. В.* Исторический опыт США. М., 2010.

Супоницкая 1998 — *Супоницкая И. М.* Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998.

Уваров 2004 — *Уваров П. Ю.* Что стояло за Религиозными войнами XVI в.? От социальной истории религии к «le vécu religieux» и обратно // Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV — начале XIX вв. М., 2004. С. 3–38.

Яковенко 2017 — *Яковенко В. А.* Рецензия на работу: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2017. 680 с. // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 268–274.

Bourgeon 1992 — *Bourgeon J.-L.* Qui est responsable de la Saint-Barthélemy? // L'Histoire. № 154, avril 1992. P. 69–71.

Carpi 2012 — *Carpi O.* Les guerres de religion (1559–1598): Un conflit franco-français. P., 2012.

Crouzet 1994 — *Crouzet D.* La nuit de la Saint-Barthélemy: un rêve perdu de la Renaissance. P., 1994.

Crouzet 2005 — *Crouzet D.* Les guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525-vers 1610. Seyssel, 2005.

Crouzet 2008 — *Crouzet D.* Dieu en ses royaumes : une histoire des guerres de Religion. Seyssel, 2008.

Hsieh 2009 — *Hsieh W. W.-s.* West Pointers and the Civil War: the old army in war and peace. The University of North Carolina Press, 2009.

Le Rou 2014 — *Le Rou N.* Les Guerres de Religion 1559–1629. P., 2014.

Martin 2014 — *Martin J.-C.* La guerre de Vendée. 1793–1800. Paris, 2014.

Wanegffelen 2005 — *Wanegffelen T.* Catherine de Médicis: le pouvoir au féminin. P., 2005.

IN THE WHIRLWIND OF THE CIVIL WARS: MEDITATIONS ON THE BOOK BY A. V. GANIN.

Rev.: Ganin A. V. "Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom". Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 680 p.: il.; 2-e izd., isp.: Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 680 p.: il.

Tanshina Nataliya P. — Dr Hab. (History) professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: Civil war in Russia, historical memory, historiography, the history of everyday life, V. I. Lenin, L. D. Trotsky, historical myths and stereotypes.

Abstract. The review is devoted to the monograph of the doctor of historical sciences, the leading researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, A. V. Ganin "The everyday life of the General Staff members under Lenin and Trotsky." The book of A. V. Ganin allows to understand the phenomenon of civil war and to make a comparative analysis of the Civil War in Russia and the civil wars of modern history in Europe and the United States (the Civil War in the United States, the Huguenot (civil) wars in France, the Epoque of Reformation in Germany, the Carlist wars of the 1830–1840s in Spain), make conclusions about their common features and differences, and identify the main patterns in the development of domestic and foreign historiography of civil wars. The monograph of A. V. Ganin suggests the reflection on the force of stereotypes and myths in historical memory and historiographical tradition.

REFERENCES

Bezugolnyiy A. Yu. *Genshtabisty na voennoy sluzhbe u Lenina i Trotskogo* // Vestnik arhivista, 2017, № 3, iyul — sentyabr, p. 301–311.

Blumenau S. F. *Sovremennaya frantsuzskaya istoriografiya Vandei i Shuanerii* // Novaya i noveyshaya istoriya. 1992. № 1, p. 223–237.

Bourgeon J.-L. *Qui est responsable de la Saint-Barthélemy?* // L'Histoire, № 154, avril 1992, p. 69–71.

Carpi O. *Les guerres de religion (1559–1598): Un conflit franco-français*. Paris, 2012.

Crouzet D. *La nuit de la Saint-Barthélemy: un rêve perdu de la Renaissance*. Paris, 1994.

- Crouzet D. *Dieu en ses royaumes: une histoire des guerres de Religion*. Seyssel, 2008.
- Crouzet D. *Les guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525-vers 1610*. Seyssel, 2005.
- Ganin A. V. *Sem «pochemu» rossiyskoy Grazhdanskoy voynyi*. Moscow, 2018.
- Genife P. *Politika revolyutsionnogo terrora, 1789–1794*. Moscow, 2003.
- Gromov A. *Iz denikintsev v krasnoarmeytsyi* // Nezavisimaya gazeta. Exlibris. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-11-24/7_866_gromov.html.
- Hsieh W. W.-s. *West Pointers and the Civil War: the old army in war and peace*. The University of North Carolina Press, 2009.
- Ivanov R. F. *Konfederativnyie Shtaty Ameriki (1861–1865 gg.)*. Ch. 2. Moscow, 2002.
- Le Rou N. *Les Guerres de Religion 1559–1629*. Paris, 2014.
- Letchford S. E. *Vandeya v 1815 godu* // Frantsuzskiy ezhegodnik, 2003. Moscow, 2003.
- Mal K. M. *Grazhdanskaya voyna v SShA (1861–1865): razvitiie voennogo iskusstva i voennoy tehniky*. Minsk, 2000.
- Martin J.-C. *La guerre de Vendüe. 1793–1800*. Paris, 2014.
- Russkiy sbornik. T. XX: *SSSR i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939*. Moscow, 2016.
- Seshe R. *Vandeya: ot genotsida k «memoritsidu»*. Per. s fr. Yu. V. Mineevoy // Frantsuzskiy ezhegodnik 2016: Protestnyie dvizheniya v epohu Frantsuzskoy revolyutsii i Pervoy imperii. Moscow, 2016, p. 36–54.
- Sinyakova N. S. *Hristiansko-demokraticheskiy soyuz Germanii pered vyizovami sovremennyih realiy: transformatsiya ideologii* // Srednerusskiy vestnik obshchestvennyih nauk. 2014, № 2, p. 180–183.
- Sogrin V. V. *Istoricheskiy opyt SShA*. Moscow, 2010.
- Suponitskaya I. M. *Antinomiya amerikanskogo Yuga: svoboda i rabstvo*. Moscow, 1998.
- Uvarov P. Yu. *Chto stoyalo za Religioznyimi voyunami XVI v? Ot sotsialnoy istorii religii k «le vécu religieux» i obratno* // Frantsuzskiy ezhegodnik 2004: *Formy religioznosti v XV–nachale XIX vv*. Moscow, 2004, p. 3–38.
- Wanegffelen T. *Catherine de Mùdicis: le pouvoir au féminin*. Paris, 2005.
- Yakovenko V. A. *Retsenziya na rabotu: Ganin A. V. Povednevnyaya zhizn genshtabistov pri Lenine i Trotskom*. M.: Kuchkovo pole, 2017. 680 s. // *Novoe proshloe*, 2018, № 1, p. 268–274.